

ПРОБЛЕМЫ ПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ В МАСС-МЕДИА И ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УЗБЕКИСТАНА

Фируза Расмухамедова,
Молодежный консультативный совет ООН, Ташкент, Узбекистан

Умида Эргашева,
Учебный центр Mu School, Ташкент, Узбекистан

Юлдуз Юсупова,
Общеобразовательная школа № 151, Ташкент, Узбекистан

Зухра Эркинжонова,
Общеобразовательная школа № 22, Ташкент, Узбекистан

Гузаль Туляганова,
Негосударственное образовательное учреждение Oriental, Ташкент,
Узбекистан

Аннотация: Публикуемое исследование посвящено изучению факторов влияния на презентацию подробностей личной жизни в масс-медиа и публичном пространстве, значительное место в котором занимают социальные сети. Авторы выделяют ислам в качестве основного фактора влияния на содержание публикаций как религии, исторически доминирующей в регионе Центральной Азии и Узбекистане. В качестве инструментов в работе используются данные Республиканского центра социологических исследований «Ижтимоий фикр», итоги реализованного авторами опроса методом анкетирования, а также сравнительный анализ результатов научных трудов различных авторов.

Исследование реализовано под руководством доктора филологических наук, доцента, профессора кафедры теории и практики медиа Университета журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана А.А. Антонова-Овсеенко.

Ключевые слова: личная жизнь, масс-медиа, социальные сети, ислам, Коран, Интернет, правовые основы, саморегулирование

Введение и гипотеза

Подробности жизни и трагической смерти члена королевской семьи Великобритании принцессы Уэльской Дианы, происшедшей более четверти века назад, продолжают оставаться предметом обсуждения в масс-медиа и социальных сетях. Фактически в течение десятилетий эти события служат примером взаимовлияния жизни известной персоны с тем, как подробности этой жизни освещаются в публичном пространстве.

Справочно. Диана, принцесса Уэльская, урожденная Диана Фрэнсис Спенсер (род. 01.07.1961) погибла 31 августа 1997 г. в результате

RASMUXAMEDOVA
Firuz
BMT Yoshlar maslahat
kengashi a'zosi,
O'zbekistondagi
vakolatxonasi

ERGASHEVA Umida
"Mening maktabim" o'quv
markazining ingliz tili
o'qituvchisi, Toshkent,
O'zbekiston

YUSUPOVA Yulduz
151-sonli umumta'lim
maktabi ingliz tili
o'qituvchisi, Toshkent,
O'zbekiston,

ERKINJONOVA Zuxra
22-sonli umumta'lim
maktabi rus tili o'qituvchisi,
Toshkent, O'zbekiston

TULYAGANOVA G'uzal
Sharq nodavlat ta'lim
muassasasi rus tili
o'qituvchisi, Toshkent,
O'zbekiston

травм, полученных в автокатастрофе на мосту Альма в автомобильном туннеле в Париже, Франция. Доди Аль-Файед (сын Мохаммеда Аль-Файеда, владельца отеля «Риц», из которого выехала пара) и Анри Поль, водитель Мерседес-Бенц S280, были объявлены погибшими на месте происшествия; телохранитель Дианы и Аль-Файеда, Тревор Рис-Джонс, — единственный, оставшийся в живых. Масс-медиа обвинили папарацци в преследовании автомобиля, однако 18-месячное французское судебное расследование установило, что катастрофа произошла по вине Анри Поля: он потерял контроль над машиной на высокой скорости, находясь в состоянии алкогольного опьянения. Позднее было установлено, что хотя Анри Поль сам рекомендовал фотографам ожидать выхода пары из отеля, однако в момент катастрофы автомобили с фотографами-папарацци находились в отдалении. Дальнейшие апелляции в других инстанциях не изменили изначального вывода.

Подробности жизни Дианы и после ее трагической гибели продолжают оставаться предметом обсуждения в масс-медиа и даже анализа в научных трудах, в том числе с точки зрения их освещения в публичном пространстве. Так, 31 августа 2022 г., в день 25-летия гибели Дианы в материале Русской службы Би-Би-Си сообщалось, что «начиная с 1980 года (когда она стала невестой принца Чарльза) и до самой ее смерти в 1997 году, отношения Дианы с прессой были, скажем так, не совсем простыми. Как и любому человеку, ей нравилось, когда о ней говорили хорошо, и она терпеть не могла критику, жаловалась на то, что журналисты и фотографы за ней буквально охотятся, но не брезговала пользоваться СМИ для манипуляции общественным мнением в свою пользу» (Литвинова, 2022). Трансформацию медиационного образа принцессы Дианы на материале британской качественной и популярной прессы анализирует в русскоязычном научном пространстве А.М. Есалиева (2019); дискурс модельной личности принцессы Уэльской в современном политическом контексте Великобритании обсуждает О.Г. Алифанова (2020); уделяют внимание изучению личности Дианы в научных работах иноязычные авторы, например А. Caprarica в работе «Diana, una tragedia “shakespeariana”» (2018), М. Myer в работе «The People’s Princesses: Feminist Theory and UK Media Representations of Lady Diana Spencer and Meghan Markle» (2020) и др. Разные авторы описывают и анализируют жизнь и смерть «народной» принцессы с разных точек зрения: ученые — с точки зрения языковых особенностей презентации личной жизни, масс-медиа заняты подчас «развенчанием» благоприятного образа персонажа, личность которого обсуждается, как, например, в упомянутой выше публикации Русской службы Би-Би-Си (Литвинова, 2022).

RASMUKHAMEDOVA
Firuza
member of the UN
Youth Advisory Council,
representative office in
Uzbekistan

ERGASHEVA Umida
English teacher at
My School Training Center,
Tashkent, Uzbekistan

YUSUPOVA Yulduz
English teacher at Secondary
School No. 151, Tashkent,
Uzbekistan

ERKINJONOVA Zukhra –
Russian language teacher at
Secondary School No. 22,
Tashkent, Uzbekistan,

TULYAGANOVA Guzal
teacher of Russian language
at the Oriental Non-State
Educational Institution,
Tashkent, Uzbekistan

При этом то, каким образом формируется в течение десятилетий образ Дианы в масс-медиа и научной среде, мы приводим для примера и сравнения различных точек зрения и подходов. В настоящей работе нас интересуют прежде всего традиции презентации личной жизни, сложившиеся в публичном пространстве Узбекистана — с точки зрения религиозных установок, правовых основ и других факторов, оказывающих непосредственное влияние на формирование этих традиций.

Нашей гипотезой стало положение, согласно которому на презентацию личной жизни в публичном пространстве и масс-медиа в Узбекистане наряду и одновременно с воздействием законодательных нормативов по-прежнему, несмотря на десятилетия советской эпохи, первостепенное влияние оказывает ислам как религия, исторически доминирующая в регионе. В ходе исследования мы приведем аргументы в пользу этого утверждения.

Методы и материалы

В качестве первоочередного инструмента изучения проблем презентации личной жизни в масс-медиа и публичном пространстве авторы использовали результаты социологического исследования Республиканского центра социологических исследований (РЦИОМ) «Ижтимоий фикр» — «Молодежь в зеркале интернет-пространства» (2021), из которых становится известно, среди прочего, что ведущие государственные и частные медиа-ресурсы Узбекистана посвящают значительный объем публикаций молодежным тематикам, что, однако, не гарантирует привлечения и удержания внимания самой молодежи к таким публикациям.

Еще одним инструментом исследования стал реализованный авторами блиц-опрос методом анкетирования, целью которого стало выявление объемов интереса населения как к трансляции подробностей собственной личной жизни в публичном пространстве, так и объемов интереса к подробностям личной жизни других граждан.

С целью подтверждения гипотезы о влиянии постулатов ислама на презентацию личной жизни в информационном пространстве Узбекистана был осуществлен анализ сур и аятов Корана, касающихся установлений как о взаимоотношениях верующих между собой в целом, так и высказываемых друг о друге суждений. С позиции женщины-мусульманки рассмотрены функции социальных сетей в труде И.Р. Гафиятуллиной (2021); специфику взаимоотношений с исламом государств Центральной Азии в постсоветский период анализируют Э. Фридман и М. Уолтон (2006).

Значительный объем материалов посвящен изучению проблем регулирования коммуникаций в публичной среде Интернета. О различных моделях государственного подхода к этой проблеме говорили еще проф. Я.Н. Засурский (2000), исследователь А.В. Преснякова (2010). В трудах др. А.Г. Рихтера, в свою очередь, описаны преимущества саморегулирования проблем коммуникаций в мировой сети (2014).

Результаты и обсуждение

Презентация личной жизни в публичном пространстве Узбекистана располагает своей спецификой, отличающейся от того, как освещается жизнь знаменитостей и обычных людей в остальном мире. И, разумеется, традиции ислама, которые не удалось поколебать за долгие десятилетия советской эпохи, играют в этом не последнюю роль. Фактор правового обеспечения, наряду с традициями Ислама, также играет значительную роль в процессе освещения подробностей личной жизни граждан в масс-медиа и публичном пространстве. К обеим озвученным темам мы вернемся в дальнейшем, здесь же остановимся на том, каким образом в ведущих масс-медиа Узбекистана освещаются проблемы молодежи — исходя из посыла, что потребители информации проявляют интерес к подробностям личной жизни персонажей прежде всего молодого, перспективного возраста.

Тому, в какой мере население в принципе интересуется жизнью других людей, мы также уделим специальное внимание в дальнейшем, в ходе обсуждения результатов проведенного авторами опроса. Здесь же проанализируем результаты исследования «Молодежь в зеркале интернет-пространства», реализованного Республиканским центром исследований общественного мнения (РЦИОМ) «Ижтимоий фикр» в течение 1 декабря 2020 г. — 1 февраля 2021 г. (Молодежь, 2021). В этом исследовании среди прочего подсчитан объем публикаций, посвященных проблемам молодежи, в интернет-версиях наиболее популярных масс-медиа Республики (рис. 1.)

Из результатов исследования, в частности, следует, что более всего материалов по теме за указанный выше период опубликовали порталы Yuz.uz (интернет-версия общественно-политической газеты «Янги Узбекистон» — «Голос Узбекистана»), портал информационного агентства Kun.uz, и интернет-издание Darvo.uz; за этими первыми по объему публикаций следуют по убывающей другие издания. Однако, представляется, что количественный объем публикаций не всегда соответствует их содержательному качеству — прежде всего по признаку их реальной популярности в среде молодежи: уровень популярности, в свою очередь, формируют

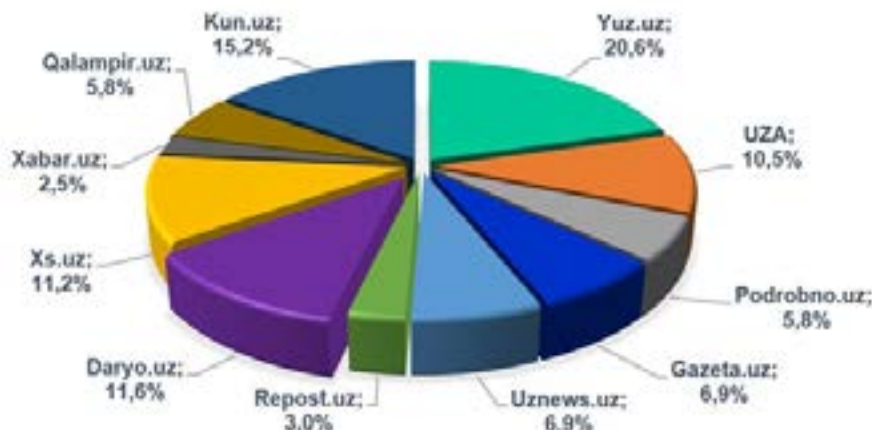

Рис. 1. Соотношение долей информационных материалов, посвященных молодежной тематике, по источникам

владельческие права на издания и соответствующий характер публикаций. Так, интернет-версия принадлежащей государству газеты «Янги Узбекистон», публикующей материалы во многом пропагандистского характера, пользуется меньшей популярностью в среде молодежи, нежели частные порталы Kun.uz и Daryo.uz, публикующие в том числе материалы критического характера, анализирующие действительность с относительно высоким уровнем объективности. Что, в конечном итоге, фактически подтверждают сами специалисты РЦИОМ «Ижтимоий фикр», проводившие исследование, когда отмечают в его резюмирующей части: «Основная доля публикаций — информационные материалы, пропагандирующие толерантность, гражданственность, чувство патриотизма, здоровый образ жизни, и стремление к успеху молодежи в сфере образования и науки» (Молодежь, 2021).

В дальнейшем мы продемонстрируем, что в противовес материалам, не пользующимся популярностью в среде молодежи, население (молодежь в том числе) испытывает стремление к потреблению информации о личной жизни других граждан. Выше мы обращали внимание не на необходимость анализа факторов, оказывающих непосредственное влияние на презентацию подробностей личной жизни в масс-медиа и публичном пространстве Узбекистана. Рассмотрим эти факторы.

Ислам в медиа-пространстве Узбекистана

Несмотря на то, что ислам — самая молодая авраамическая религия, она относится к числу самых распространённых на планете. Само понятие «ислам» в переводе с арабского означает «вверение себя Богу», то есть подчинение воле Аллаха. В пространстве Центральной Азии традиции ислама остаются неизменными и оказывают влияние на все сферы жиз-

недеятельности граждан, в том числе на то, каким образом освещается их личная жизнь в публичном пространстве. При этом положения Корана, главной книги мусульман, в целом ряде случаев в стилистике императива предписывают воздерживаться от обсуждения подробностей личной жизни. Так, в суре Корана 49 Комнаты сообщается: «Не следите друг за другом и не злословьте за спиной друг друга», что сопровождается комментарием: «Подозрения, лишённые основания, и дурные мысли о каком-либо человеке неразрывно связаны с греховными речами и поступками. Эти мысли закрадываются в душу человека и не оставляют его в покое, пока он не скажет или не совершит то, в чём впоследствии станет раскаиваться. Этот аят запрещает не только плохо думать о мусульманах, но и испытывать к ним ненависть и вражду. О правоверные! Не пытайтесь разузнать о недостатках мусульман и не обнаружьте их. Старайтесь не замечать ошибок своих братьев, дабы ваши действия не повлекли за собой нежелательные последствия» (Священный, 2023). В свою очередь, сура 33 Союзники сообщает: «А те, которые незаслуженно поносят верующих мужчин и верующих женщин, взваливают на себя бремя клеветы и явного греха»; сура Корана 104 Хулитель (Аль-Хумаза) сообщает: «Горе всякому хулителю и обидчику, который копит состояние и пересчитывает его, думая, что богатство увековечит его», где арабский термин «хумаза» (хулитель) относится ко всем, кто порочит людей своими делами либо высмеивает их, показывая на них пальцем (Священный, 2023); в суре Корана 24 Свет сообщается: «Почему же, когда вы слышали это <клевету>, верующие мужчины и женщины не подумали о самих себе <друг о друге> хорошее и не сказали: “Это — очевидная клевета”?» (Священный, 2023), что следует понимать как то, что каждый верующий обязан засвидетельствовать, что слова сплетников являются клеветой, и защитить другого верующего от ложных обвинений.

Таким образом, клевету и злословие тексты Корана безапелляционно относят к грехам. С другой стороны, запрет на их совершение действует прежде всего в отношении самих верующих — как это следует из тех же текстов, если воспринимать их буквально. Означает ли это, что совершение грехов допустимо в отношении тех, кто не верит в Аллаха? Ответ на этот вопрос будет отрицательным, поскольку традиции ислама как религии и дисциплина, присущая верующим в ходе исполнения заветов Пророка, их менталитет, проявляющийся повсеместно в современном Узбекистане, демонстрируют, что сказанное в Коране относится не только к верующим, но и ко всем прочим людям. Тем более, что суры Корана, посвя-

щенные предостережениям от совершения других грехов, помимо клеветы и злословия, распространяют их и в отношении неверующих. Так, например аяты 278-279 суры 2 Корова сообщают о правилах поведения в ходе исполнения сделки: «О те, которые уверовали! Бойтесь Аллаха и не берите оставшуюся часть лихвы, если только вы являетесь верующими. Но если вы не сделаете этого, то знайте, что Аллах и Его посланник объявляют вам войну. А если вы раскаетесь, то вам останется ваш первоначальный капитал. Вы не поступите несправедливо, и с вами не поступят несправедливо», в пояснении к чему, в свою очередь, сказано: «Всевышний обратился к правоверным и велел им бояться Его и разорвать все сделки, основанные на лихоимстве, которые они заключили прежде. Он сообщил, что если люди не поступят так, то станут враждовать с Аллахом и Его посланником. Это — одно из величайших свидетельств порочности лихоимства и ростовщичества, ведь если человек настойчиво продолжает пожирать лихву, то он словно воюет против Аллаха и Его посланника. Если же он раскаивается в том, что занимался лихоимством и ростовщичеством, то ему разрешается взять назад свой первоначальный капитал. Поступив так, он не обидит людей, которых он прежде обязал выплатить ему лихву, и сам не окажется в убытке, поскольку вернет себе свой первоначальный капитал. Одним словом, если человек раскаялся в лихоимстве и ростовщичестве, то ему прощаются все сделки и соглашения, которые он заключил прежде и которые уже завершены. Если же некоторые из них еще остаются в силе, то он обязан довольствоваться своим первоначальным капиталом, и получение лихвы по этим договорам будет дерзким преступлением» (Священный, 2023).

Приведенные выше и подобные им положения Корана, несомненно, формируют общий стиль поведения граждан в Центральной Азии и в Узбекистане, не только верующих, а также их отношение к распространению сведений о личной жизни окружающих в публичном пространстве в целом, а также в масс-медиа и социальных сетях — с точки зрения предосудительности распространения злословия и клеветы. О воздействии ислама на блогосферу говорится, в частности, в работе «Особенности мусульманского блогинга» И.Р. Гафиятуллиной в части, касающейся образа женщины-мусульманки: «Интерес к женским блогам мусульманской направленности обусловлен привлекательностью и закрытостью мусульманской женщины, так как в СМИ зачастую образ мусульманки стереотипизируется. Многочисленные стереотипы развенчивают своими публикациями блогеры-мусульманки. Религиозное блогерство также является своеобразным при-

званием к религии (дагват), чем обязан заниматься каждый мусульманин. Важно учитывать, что чем больше популярность в Интернете, тем выше ответственность автора перед своей аудиторией» (2021). Общение в социальных сетях также не лишено этого воздействия, поскольку, как полагает И.Р. Гафитуллина, «социальные сети — это уникальная возможность посмотреть на мир глазами современной женщины-мусульманки» (2021).

С другой стороны, структура взаимоотношений ислама и журналистики в Центральноазиатском регионе характеризуется особенной сложностью, провоцирующей ее пограничное состояние между свободой масс-медиа и политической цензурой, осуществляемой государством. Так, Э. Фридман и М. Уолтон в работе «Страны Центральной Азии: освещение проблем религии независимыми информационными сайтами Интернета» отмечают, что «для государств Центральной Азии характерно сложное переплетение религии и политики. Все пять стран выбрали светское правление, однако некоторые их лидеры нередко “облачаются в религиозную мантию”, исходя при этом из политических соображений. Ведь нынешние режимы республик региона угрозой для себя считают не только радикальный фундаментализм, но и перспективу создания исламистских партий, которые могут представлять опасность для действующих президентов» (2006).

Определенная специфика взаимоотношений ислама и журналистики характерна для Узбекистана: Э. Фридман и М. Уолтон акцентируют внимание на том, что «одним из способов развития национальной идентичности в странах, границы которых были искусственно очерчены 80 лет назад, стало (например, в Узбекистане и Киргизстане) принятие следующего определения для новых независимых государств: “многонациональное и светское”. В Узбекистане это определение, в частности, предусматривает жесткий государственный контроль над исламом с целью распыления его как политической силы и оправдания соответствующих кампаний, проводимых против так называемого “экстремизма”» (2006). И хотя многое в Узбекистане изменилось в отношении либерализации гражданских свобод в целом и свободы слова с момента инаугурации президента Ш.М. Мирзиёева в конце 2016 г., отголоски жесткой цензуры как в отношении масс-медиа, так и ислама отчетливо «прослушиваются» в информационном поле современного Узбекистана.

Несмотря на противодействие государства продвижению исламского фундаментализма, влияние жестких традиций ислама остается заметным и в том, как освещаются подробности не только личной жизни, но и профессиональной

деятельности граждан, не в последнюю очередь — женской части населения. Так, в конце 2023 г. в масс-медиа Узбекистана широко обсуждался конфликт певицы Нилуфар Хамидовой с государственной компанией «Узбекконцерт»: возмущение чиновников вызвал слишком откровенный, по их мнению, наряд исполнительницы на концерте юмористической группы «Миллион» в России — размер декольте и выреза платья (Турабекова, 2023). И хотя певицу не лишили лицензии, и не наступило никаких других видимых последствий, сама исполнительница комментировала происшедшее в тревожных выражениях: «Во-первых, это не первый случай, когда за обычные эстрадные наряды артистки получают предупреждения, им угрожают лишением лицензии. Во-вторых, мы все видим эту тенденцию, когда все больше женщин “заматываются”. В Узбекистане также следят за событиями в соседнем Афганистане. Если быть честной то, чем чаще нам, женщинам, кричат о запретах, тем все более страшно становится за наше будущее» (Турабекова, 2023).

О сложностях в преодолении консервативных традиций ислама в отношении личной жизни в постсоветских государствах Центральной Азии говорится также в работе Stéphane A. Dudoignon «Le gnosticisme pour mémoire? Déplacements de population, histoire locale et processus hagiographiques en Asie centrale postsoviétique» (2020); о различиях идеологических основ, связанных с исламом, в процессе перехода части редакции телеканала Al Jazeera (пользующегося определенной популярностью в Узбекистане) в созданную в 2012 г. редакцию телеканала Al Mayadeen говорит Nicolas Dot-Pouillard в работе «D'Al Jazeera à Al Mayadeen: la réinvention d'un journalisme militant?» (2017) и другие авторы.

Интернет: правовые основы vs саморегулирование

Проблемам регулирования коммуникаций в мировой сети было посвящено множество научных работ, рассматривающих в том числе аспект презентации личной жизни в публичном пространстве Интернета. Но прежде, чем рассматривать отдельные аспекты регулирования, следует определиться с тем, каким образом регулировать Интернет в целом, и нужно ли это делать в принципе. Существуют разные точки зрения на эту проблему. Так, проф. Я.Н. Засурский (декан факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова в течение 1965-2007 гг.) еще в 2000 г. сообщал, что «в большинстве стран регулирование содержания Интернета считается невозможным и неразумным. Исходят при этом из трех главных положений. Первое – в условиях глобализации трудно осуществлять контроль над содержанием в общемировом масштабе. Второе –

очень велик объем информации. И третье, возможно, самое важное, – в отношении Интернета действуют обычные законодательства. На практике, при возникновении конфликтных ситуаций в отношении деятельности, связанной с Интернетом, как правило, используются традиционные законодательства тех стран, закон которых нарушается. <...> При развитии современного законодательства надо исходить, прежде всего, из того, что Интернет является публичной средой, публичным пространством. А это пространство используют и для информации, и для создания складов, и для сбора заявок, и для экономической деятельности. Интернет изменяет наше пространство, делает его виртуальным. Но в этом виртуальном пространстве должны действовать не виртуальные законы, а те же нормативные акты, которым подчиняется обычное пространство» (2000).

Тем не менее, с течением времени в разных частях света разные страны так или иначе принялись за выработку законодательства, регулирующего коммуникации в мировой сети; сформировались различные подходы к решению этой проблемы. Так, Я.Н. Засурский говорит о том, что к началу 2000-х гг. сложились «два подхода к содержанию в Интернете. Один – американо-европейский, второй — подход стран Юго-Восточной Азии. Это подход Китайской Народной Республики и Сингапура, где существуют специальные положения и методы ограничения доступа к определенным видам информации. В европейской практике эти методы не одобряются, прежде всего, как непрактичные и неэффективные» (2000).

В вышедшем через десять лет труде А.В. Пресняковой говорится уже о трех моделях государственного вмешательства в среду Интернета: «Существует три модели регулирования коммуникаций в Интернете: модель США, Китая и стран ЕС. Модель США отличают наиболее либеральный подход, а также отсутствие комплексного законодательного регулирования соответствующей проблематики. Большое значение в области регулирования электронных коммуникаций в США занимают прецеденты, подходы которых не всегда единообразны. Особенностью КНР является жесткий контроль и цензура сферы Интернет, что негативно отражается на осуществлении гражданами своих прав на тайну и свободу коммуникаций. Основным положительным моментом модели зоны ЕС является наличие четких наднациональных правил, которые отражены в законодательстве всех стран Евросоюза. Это позволяет говорить о наличии комплексного, аналогичного между собой законодательства в группе стран, что, безусловно, положительно сказывается на соблюдении прав человека» (2010).

Уровень действенности каждой из приведенных моделей можно оценивать также с различных точек зрения, в том числе с точки зрения конечных целей государств и политических режимов, в зависимости от уровня развитости демократических прав и свобод, или, наоборот, их ограниченности. Но во многих странах с течением времени сформировалась действенная практика саморегулирования, о чем говорил проф. Я.Н. Засурский, когда предлагал «сочетать законодательное регулирование с саморегулированием, то есть ввести в практику так называемое сорегулирование. Что это значит? Практически сорегулирование означает применение общего законодательства. В большинстве стран по ряду причин нет специальных законов о регулировании в целом и содержания, в частности, Интернета. Прежде всего потому, что потенциал Интернета еще не исчерпан. И здесь преждевременное законодательство может оказаться препятствием для его развития. Но также и потому, что во многих случаях вполне достаточно имеющихся нормативных актов» (2000).

Реализация идеи саморегулирования не заставила себя ждать: эту функцию взяло на себя созданное в 1992 г. «Общество Интернета» (Internet Society, ISOC), занятое сбором и формулированием запросов комментариев (Request for comments, RFC). Уже в 1995 г. Селли Хембридж из корпорации Intel предложила одобренный впоследствии пользователями (членами ISOC) RFC № 1855, так называемый Нетикет — 20-страничный документ, ставший этическим кодексом коммуникаций в мировой сети. Известный международный специалист в области прав журналистов, масс-медиа и правовых основ Интернета А.Г. Рихтер обращает внимание на главное правило Нетикета: «Будь консервативен в том, что рассылаешь, будь либерален в отношении того, что получаешь» (2014).

Таким образом, в отношении Интернета сложилась система норм и отношений, контроль за исполнением части которых остается за государством, другой части — за пользователями и общественными организациями, представляющими их интересы. Существует и еще один, третий «игрок» на информационном поле Интернета — «провайдеры или частный капитал, которые вкладывают средства в развитие Интернета и обеспечение доступа к нему» (Засурский, 2000). При этом наряду с формированием общего свода правил, таких, как Нетикет, и законодательств, действующих в разных странах, постепенно складывается практика ответа государства, общества и бизнеса на угрозы, исходящие из сети для личной жизни граждан. В этом смысле в России, например, как показывают результаты исследований в области преступлений

против неприкосновенности частной жизни, совершаемых в сети Интернет, чаще других среди форм таких преступлений встречается публикация изображений, как правило эротического характера: 69 % составляют фотографии и 31 % — видеозаписи (Баринов, 2016). Кроме того, «в отдельных случаях встречаются такие формы представления сведений о частной жизни, как аудиозаписи с голосом потерпевшего, номера телефонов, персональные данные, сведения медицинского характера. Такие сведения могут сопровождаться оскорбительными характеристиками потерпевшего. Примером является размещение ложного предложения об оказании потерпевшим услуг интимного характера. Самым популярным способом совершения рассматриваемых преступлений является распространение сведений, составляющих личную или семейную тайну лица (93% от всех преступлений)» (Баринов, 2016). Разумеется, надзора со стороны общественных организаций, представляющих интересы пользователей, будет недостаточно для пресечения преступных деяний в Интернете против неприкосновенности личной жизни, и роль государства в подобных случаях возрастает. В Узбекистане помимо собственнo закона «О телекоммуникациях», принятого в 1999 г., Кодекс об административной ответственности в 2020 г. был дополнен статьёй 202–2 «Распространение ложной информации»: «Распространение ложной информации, в том числе в средствах массовой информации, сетях телекоммуникаций или всемирной информационной сети Интернет, приводящее к унижению достоинства личности или дискредитации личности, — влечет наложение штрафа в сумме пятидесяти базовых расчетных величин. Распространение ложной информации, в том числе в средствах массовой информации, сетях телекоммуникаций или всемирной информационной сети Интернет, содержащей угрозу общественному порядку или безопасности, — влечет наложение штрафа от пятидесяти до ста

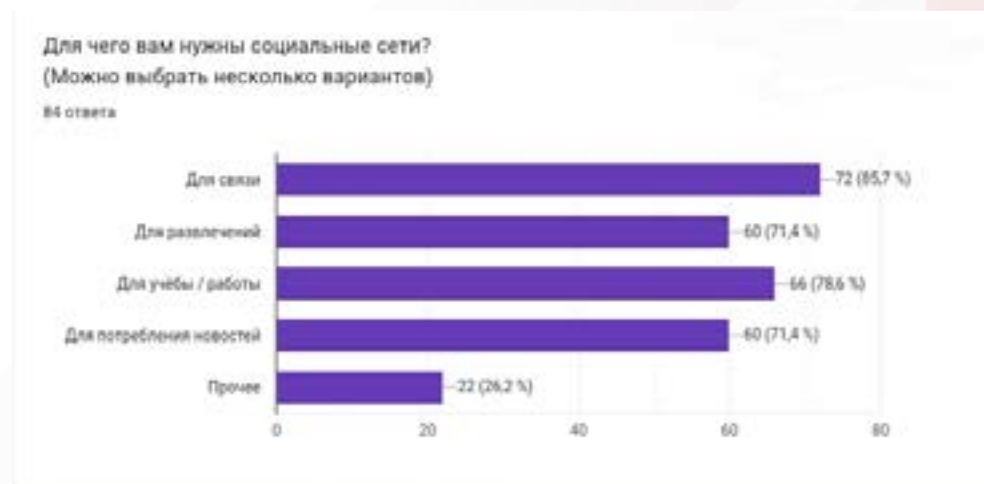

Рис. 2. Функционал социальных сетей в жизни граждан

базовых расчетных величин» (2020). В свою очередь, Уголовный кодекс тогда же, в 2020 г., был дополнен статьёй 244–6 «Распространение ложной информации»: «Распространение ложной информации, в том числе в средствах массовой информации, сетях телекоммуникаций или всемирной информационной сети Интернет, приводящее к унижению достоинства личности или дискредитации личности, совершенное после применения административного взыскания за такие же действия, — наказывается штрафом до ста пятидесяти базовых расчетных величин или обязательными общественными работами до двухсот сорока часов либо исправительными работами до двух лет или ограничением свободы до двух лет» (2020). Преступления подобного рода, повлекшие угрозу общественной безопасности и рецидивы в их совершении влекут за собой еще более жесткие меры (одновременно с этими новациями было отменено бытовавшее ранее наказание в виде лишения свободы за клевету и оскорбление).

Личная жизнь в социальных сетях

По рассмотрении факторов, оказывающих воздействие на презентацию личной жизни в масс-медиа и публичном пространстве, следует выяснить: в какой мере сами граждане интересуются подробностями личной жизни других граждан, используют ли для этой цели социальные сети, и какие функции исполняют социальные сети в жизни граждан в принципе. С этой целью авторы настоящего исследования реализовали блиц-опрос методом анкетирования, в котором приняли участие 84 респондента, распределившиеся в рамках возрастных категорий от 12 до 60 лет, по половому признаку — в составе 69% женщин и 29,9% граждан мужского пола. Среди отвечавших на вопросы анкеты доминировали граждане от 19 до 30 лет в объеме 61,9%; 15,5% отвечавших на вопросы анкеты относились к возрастной категории 12-18 лет; 14,3% — 41-60 лет; 8,3% — 31-40 лет. Социальный состав респондентов: 54,8% — школьники и студенты; вторую по значимости категорию в объеме 25% составили пенсионеры; третью в объеме 20,2% — предприниматели и руководители.

Результаты опроса демонстрируют, что на первом месте среди основных функций социальных сетей (рис. 2) граждане выделяют функцию связи (85,7% опрошенных), велико использование социальных сетей для развлечения (71,4%); для учебы/работы (78,6%); для потребления новостей (71,4%).

Показательными стали ответы респондентов на вопрос об объеме трансляции подробностей собственной личной жизни в социальных сетях (рис. 3). Большая часть участников исследования, в объеме 42%, сообщили, что «не часто»

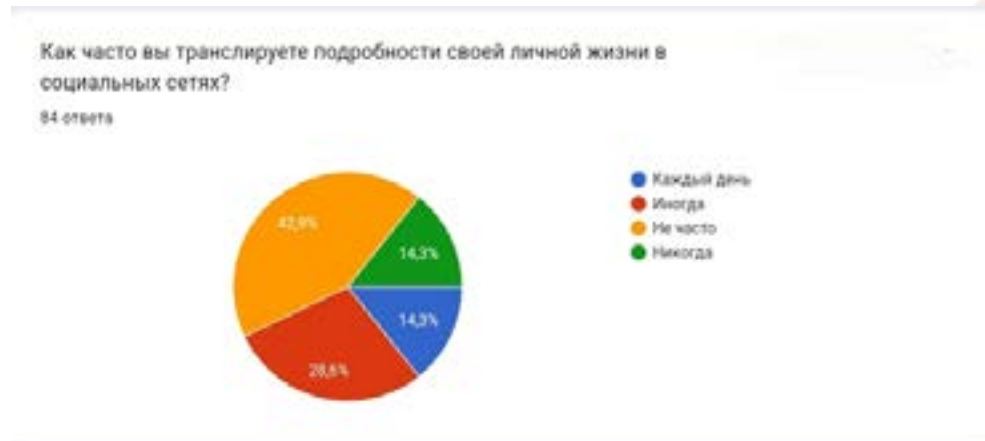

Рис. 3. Интерес к обнародованию подробностей своей личной жизни

заняты этим; ответ «иногда» объединяет 28,6% респондентов; ответы «никогда», или, наоборот, «каждый день» выбрало равное количество участников опроса – по 14,3% голосов.

Ответы на вопрос об интересе к подробностям личной жизни других граждан оказались еще более показательными (рис. 4): подавляющему большинству в объеме 66,7% «иногда бывает любопытно»; 20,2% ответили, что им это «интересно»; 10,7% — «не интересно»; 2,4% — «очень интересно».

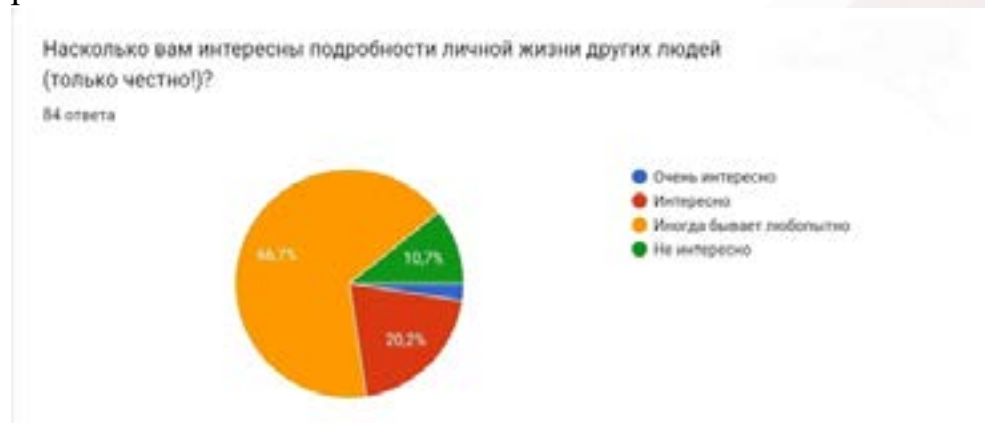

Рис. 4. Интерес к подробностям личной жизни других людей

Выводы

Результаты настоящего исследования демонстрируют, что решающее воздействие на характер публикаций в масс-медиа и в публичном пространстве Узбекистана оказывают традиции ислама как исторически доминирующей религии — несмотря на то, что профессиональные масс-медиа как правило оставляют за рамками публикаций (не упоминают) этот фактор как инструмент воздействия на их содержание.

Представляется, что правовые нормативы, регулирующие со стороны государства презентацию подробностей личной жизни, вступают в действие в случае

возникновения конфликтных ситуаций, провоцирующих вмешательство государства, но на сам характер публикаций оказывают изначально меньшее влияние, нежели религиозные постулаты.

Что касается проблемы «соревновательности» государственного регулирования коммуникаций в Интернете в целом и презентации личной жизни в мировой сети с саморегулированием авторы пришли к выводу, что государственное вмешательство в этой области оправдано лишь в случае совершения (или угрозы совершения) преступлений, предусмотренных административным и уголовным правом, соответствующими национальными кодексами и наднациональными международными нормативами.

Зафиксированный в результатах настоящей работы высокий интерес потребителей информации (читателей-зрителей-слушателей) к публикациям, освещающим подробности личной жизни других граждан, обусловлен, на наш взгляд, стремлением к замещению материалов пропагандистского характера в государственных медиа, даже и продвигающих идеи «толерантности, гражданственности, чувства патриотизма, здоровый образ жизни и стремление к успеху молодежи в сфере образования и науки» (Молодежь, 2021).

Кроме того, результаты оригинального опроса, реализованного авторами настоящего исследования, демонстрируют, что граждане в целом, в подавляющем большинстве испытывают стремление к трансляции в публичном пространстве подробностей своей личной жизни, а также, в не меньшей степени, — стремление к узнаванию подробностей личной жизни других граждан, и, следовательно, именно этот фактор следует учитывать как в ходе государственного регулирования коммуникаций в Интернете, так и в ходе саморегулирования посредством общественных организаций.

Список литературы

Алифанова, О.Г. 2020. Дискурс модельной личности принцессы Уэльской в современном политическом контексте Великобритании. Екатеринбург. Политическая лингвистика. Уральский государственный университет. С. 44-50. Электронный ресурс: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42767646>. Дата обращения: 28.11.2023.

Баринов, С. В. 2016. Криминалистическая характеристика преступных нарушений неприкосновенности частной жизни, совершаемых в сети Интернет. Москва. Актуальные проблемы российского права. № 9 (70). С. 137–141. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.70.9.137-141.

Гафиятуллина, И.Р. 2021. Особенности мусульманского бло-

гинга. Казань. Журналист. Социальные коммуникации. № 3-43. С. 39-48. <https://elibrary.ru/item.asp?id=54151322>.

Есалиева, А.М. 2019. Трансформация медиационного образа принцессы Дианы (на материале британской качественной и популярной прессы). Астрахань. Сб. статей. С. 172-178. ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Креативная лингвистика. Электронный ресурс: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41171941>. Дата обращения: 28.11.2023.

Засурский, Я.Н. 2000. Регулирование и саморегулирование сети интернет: европейские документы и опыт. Москва. Информационное общество. Вып. 4. С. 32-33. Электронный ресурс: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/ad1d1787e096e500c32569eb00395bbf>. Дата обращения: 04.12.2023.

Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности. Ст. 202-2. 2020. Электронный ресурс: <https://www.lex.uz/acts/97661>. Дата обращения: 02.12.2023.

Литвинова, Яна. 2022. Диана: обратная сторона мифа. 25 лет назад погибла «народная принцесса». BBC NEWS. Русская служба. Электронный ресурс: <https://www.bbc.com/russian/features-62598481>. Дата обращения: 06.11. 2023.

Молодежь в зеркале интернет-пространства. 2021. Ташкент. Республиканский центр социологических исследований (РЦИОМ) «Ижтимоий фикр». Электронный ресурс: <https://ijtimoiyfikr.uz/ru/issledovaniya/obschestvo/molodezh-v-zerkale-internet-prostranstva.htm>. Дата обращения: 03.12.2023.

О телекоммуникациях. Закон Республики Узбекистан № 822-1. 1999. Электронный ресурс: <https://www.lex.uz/acts/33152>. Дата обращения: 02.12.2023.

Преснякова, Анна В. 2010. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни в условиях информатизации общества: современный зарубежный опыт. Москва. С. 14-15. Электронный ресурс: <https://www.dissercat.com/content/konstitutsionnoe-pravo-na-neprikosnovennost-chastnoi-zhizni-v-usloviyakh-informatizatsii-obs>. Дата обращения: 20.11.2023.

Рихтер, Андрей Г. 2014. Правовые основы интернет-журналистики. Учебник. Москва. 488 с. С. 26-27.

Священный Коран. 2023. Суры: 24 Комнаты. Аят 12; 104 Хули-тель. Аяты 1-3; 24 Свет. Аят 12. Сура 9 Покаяние. Аяты 3 и 4; 2 Корова. Аяты 278 и 279. Электронный ресурс: <https://quran-online.ru/>. Дата обращения: 28.11.2023.

Сеннет, Р. 2002. Падение публичного человека. Москва. Логос. 424 с.
Толстых, В.И. 1975. Образ жизни. Понятие. Реальность. Проблемы. Москва. Мысль. С. 4-6.

Турабекова, Шахноза. 2023. После скандала с «Узбекконцертом» я думала, что меня позовут в рекламу купальников, но пока предлагают хиджаб "Нилуфар Хамидова". Ташкент. Podrobno.uz. Электронный ре-

супс: <https://podrobno.uz/cat/stories/posle-skandala-s-uzbekkontsertom-yadumala-chto-menya-pozovut-v-reklamu-kupalnikov-no-poka-predlagayu/>.
Дата обращения: 30.11.2023.

Уголовный кодекс республики Узбекистан. Ст. 244-6. 2020. Электронный ресурс: <https://lex.uz/docs/111457>. Дата обращения: 02.12.2023.

Фридман, Эрик; Уолтон, Морин. 2006. Страны Центральной Азии: освещение проблем религии независимыми информационными сайтами Интернета. Москва. Россия и мусульманский мир. № 7. С. 123-138. <https://elibrary.ru/item.asp?id=9235954>

Юргенсон Н., Рей П. Дж. 2013. Танец с фанатами: как конфиденциальность процветает в эпоху гипергласности. Амстердам. Институт сетевых культур. 384 с. С. 61–75.

Caprarica, Antonio. 2018. Diana, una tragedia «shakespeariana». Amore e morte alla Corte d'Inghilterra. Università del Salento Lingue e Linguaggi. № 27. P. 87-96. DOI 10.1285/i22390359v27p87.

Dot-Pouillard, N. 2017. D'Al Jazeera à Al Mayadeen: la réinvention d'un journalisme militant? Paris. Centre Jacques Berque et Institut français d'études anatoliennes. HAL Id: halshs-01494006. Version 1; DOI: 10.4000/books.cjb.1213

Dudoignon, S. A. 2020. Le gnosticisme pour mémoire? Déplacements de population, histoire locale et processus hagiographiques en Asie centrale postsoviétique. <https://hal.science/hal-03089116>

Myer, Mackenzie. 2020. The People's Princesses: Feminist Theory and UK Media Representations of Lady Diana Spencer and Meghan Markle. Arcadia University. Electronic resource: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://scholarworks.arcadia.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1259&context=showcase>. Date of the application: 28.11.2023.

Об авторах:

РАСМУХАМЕДОВА Фируза – член Молодежного консультативного совета ООН, представительство в Узбекистане, firuz041798@gmail.com

ЭРГАШЕВА Умида – преподаватель английского языка в Учебном центре My School, Ташкент, Узбекистан, umishkaergasheva@gmail.com

ЮСУПОВА Юлдуз – преподаватель английского языка в Общеобразовательной школе № 151, Ташкент, Узбекистан, yulduz-dior@mail.ru

ЭРКИНЖОНОВА Зухра – преподаватель русского языка в Общеобразовательной школе № 22, Ташкент, Узбекистан, erkinjanovazukhra@gmail.com

ТУЛЯГАНОВА Гузаль – преподаватель русского языка в Негосударственном образовательном учреждении Oriental, Ташкент, Узбекистан, askarovaguzuza@mail.ru

Исследование реализовано под руководством доктора филологических наук, доцента, профессора кафедры теории и практики медиа Университета журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана Антона А. Антонова-Овсенко.

O'ZBEKISTON OMMAVIY AXBOROT VOSITALARI VA JAMOAT MAKONIDA SHAXSIY HAYOTNI KO'RSATISH MUAMMOLARI

Annotatsiya: Nashr etilgan tadqiqot ijtimoiy tarmoqlar muhim o'rin egallagan ommaviy axborot vositalari va jamoat maydonida shaxsiy hayot tafsilotlarini taqdim etishga ta'sir qiluvchi omillarni o'rganishga bag'ishlangan. Mualliflar Islom dinini nashrlar mazmuniga ta'sir etuvchi asosiy omil sifatida Markaziy Osiyo va O'zbekistonda tarixan hukmron bo'lgan din sifatida ta'kidlaydilar. Ishda foydalanilgan vositalar Respublika "Ishtimoiy fikr" sotsiologik tadqiqotlar markazi ma'lumotlari, mualliflar tomonidan anketa usulidan foydalangan holda o'tkazilgan so'rov natijalari, shuningdek, turli mualliflarning ilmiy ishlari natijalarining qiyosiy tahlili. Tadqiqot filologiya fanlari doktori, dotsent, O'zbekiston jurnalistika va ommaviy kommunikatsiyalar universiteti "Ommaviy axborot vositalari nazariyasi va amaliyoti" kafedrasida professori A.A. Antonova-Ovseenko.

Kalit so'zlar: shaxsiy hayot, ommaviy axborot vositalari, ijtimoiy tarmoqlar, Islom, Qur'on, Internet, huquqiy asos, o'zini o'zi tartibga solish

PROBLEMS OF PRESENTATION OF PERSONAL LIFE IN THE MEDIA AND PUBLIC SPACE OF UZBEKISTAN

Abstract: The published research is devoted to the study of factors influencing the presentation of details of personal life in the media and public space, in which social networks occupy a significant place. The authors highlight Islam as the main factor influencing the content of publications as a religion historically dominant in the region of Central Asia and Uzbekistan. The tools used in the work are data from the Republican Center for Sociological Research "Ishtimoiy Fikr", the results of a survey carried out by the authors using the questionnaire method, as well as a comparative analysis of the results of scientific works of various authors. The research was carried out under the guidance of Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of Media at the University of Journalism and Mass Communications of Uzbekistan A.A. Antonova-Ovseenko.

Keywords: personal life, mass media, social networks, Islam, Koran, Internet, legal framework, self-regulation